Дмитрий Цымбал-Ерохин

КОШМАР ЛЕСНОГО КРАЯ

Annotation

Каждый закат может стать последним, а рассвет ожидается с волнующей надеждой. И если одни простаки путают в темноте химер с качающимися на ветру ветвями, то затерянное в глухомани лесов поселение Новая Заря страдает от истинных порождений ночи.

-
  - Глава 1

Кошмар лесного края

Глава 1

Алой осенью южные леса загорались красно-желтыми кронами. Перед опушкой в молчании стояли полсотни надгробий местной деревушки, жители которой на глазах охотника рыли яму для нового переселенца под землю. Охотник, облокотившись на фонарный жердь, силился отыскать кое-кого в толпе через окуляр старинного бинокля. Серые фигурки жителей Новой Зари провожали соседа в последний путь. Его тихо забрала во сне старость. Многие позавидовали бы такой смерти: те, кто медленно слабеет от голода или морового поветрия; кто становится жертвой разбойников или обедом дикого зверья, а то и вовсе каннибалов. В Диких Землях чаще чем о еде люди могли грезить лишь о легкой смерти. Старика раздели и завернули в древесную кору, одежду и обувь отдали родственникам – в такой глуши расточительно хоронить покойников одетыми и обутыми. А на севере, за пределами лесного края, среди степей громоздились княжеские курганы, в которых властительные мертвецы замирали в одежде, украшениях, с оружием и едой. Даже крестьян хоронили с хозяйственным инвентарем и глиняными горшками. Какие бы выражения лиц нарисовались у жителей Новой Зари, узнай они о таких погребениях? Охотник усмехнулся.

– Чего лыбишься, чужак? Потешаешься над нашей утратой?

Кучерявая женщина незаметно и тихо для своих необъятных форм подкралась к путешественнику. Серый, много раз залатанный балахон, походивший на мешок из-под картошки, ещё большие утолщал ворчунью. Звали её Элиной. Улыбка мужчины скисла.

– Нет, – ответил он, стараясь сохранить невозмутимость серого взгляда после того, как дрогнул всем телом.

Женщина сжала губы и на её пухлых щеках очертились привлекательные ямочки, но буравящий взгляд из-под кустистых бровей отметал к ней всякую симпатию. Под этим взглядом у чужака сильнее заныл больной зуб.

– Высматриваешь шото в свою штуку-дрюку, но я вижу тебя насквозь лучше, – протянула дородная Элина. – И наблюдаю за каждым твоим шагом.

Она говорила правду. Все те два дня, что охотник пребывал в Новой Заре, Элина ходила за ним по пятам даже до сортира. И в ночной тишине не стихал шорох её шагов за стенами полуземлянки. Благо хоть в кровать к нему не лезла. Элина не пошла на похороны соседа лишь затем, чтобы таращиться на охотника вблизи, и чтобы тот не взглянул на неё через окуляр бинокля – она жутко страшилась реликвий Старого Мира и подозревала бродягу в чернокнижии, потому и речь у него звучала не так, как у «нормальных людей». Поначалу его это даже забавляло, но скоро осточертело каждый раз перешагивать нож на пороге, который вопреки поверьям, Элина ставила острием вверх.

В Диких Землях одиноких бродяг не любили, а порой неприкрыто страшились. О них складывались целые легенды, как о чумных скитальцах, разносящих мор по миру, иные утверждали, что они похищают женщин и детей. Охотник привык к предвзятому отношению – чужаку для всех деревень и городов, в которые его заносили потрескавшиеся дороги Старого Мира, но он никак не мог привыкнуть к вездесущей Элине.

– Я скоро уйду, добрая женщина, – произнес он, пряча реликвию из далекого прошлого. – Можешь, кстати, не стоять так близко.

– Не могу, – тотчас ответила Элина. – И не отойду, покуда не узнаю пошто ты явился. Сюда просто так не ходят.

И вновь она была права. В эти леса вообще никто не ходил. Воображение жителей свободных общин и Яковитских княжеств населило южные леса племенами псоглавцев, а сам лес звался Лес-Чудес. В количестве преданий этот край уступал лишь Немому лесу на востоке. Обитатели Диких Земель поголовно ткали легенды как паутину. Мифы множились быстрее кроликов и янтарем застывали в народной памяти, не успев избавиться от предыдущих страшилок. С каждым новым поколением поверья приукрашивались и обрастали новыми подробностями о явлениях, которым не сыскать свидетелей. Вот только странствующего охотника сюда привела простая охота, и призрачная надежда на правдивость баек о белом олене, за шкуру и рога которого удельные князья, вожди и колдуны вывернули бы из закромов лучшие ценности. В недрах лесного края он не столкнулся ни с гремлинами, ни с лешими, ни с чупакабрами, а вместо псоглавцев встретил людишек, да ещё не таких дремучих, как окружающая чаща.

Зато столкнулся с обыкновенными волками, по вине которых потерял ослика с охотничьей поклажей.

Лес-Чудес насчитывал три свободные общины. В верховьях ручья стоял Новый Мартен. Что произошло со Старым и почему Мартен, никто не помнил, да и охотник на пороге зимы в неведомые дали не рвался – о Новом Мартене он в итоге только слышал. А Медовый Городок и Новая Заря соседствовали друг с другом. Медовый Городок охотник посетил первым после потери ослика. Там содержалась собственная пасека. Прознай об этом яковитские князья, завалили бы лесной городишко несметными дарами в обмен на лакомства и свечи, или покорили бы их мечом. В Медовом Городке охотник разузнал, что Старая Заря, звавшаяся в ту пору просто Зарей, пошла пеплом по ветру, когда в окрестностях стала твориться чертовщина.

– Ты меня слышишь? – не унималась тучная Элина, от которой охотник спрятался бы в яме старика.

– Угу. Ты начинаешь повторяться, добрая женщина. С первого дня говоришь что-то вроде того, чего не говорил мне только ленивый или немой.

Два лысых брата, Филипп и Трун, забрасывали могилу землей вперемешку с жухлой листвой. Эти двое относились к охотнику дружелюбно. Их самогон помогал хотя бы на время забывать о зубной боли, а за выпивкой и доброй беседой они многое поведали о поселении, но также многое утаили. К сожалению, о белом олене они ничего не слышали, из-за чего рассказы казались все менее вероятными, а потеря ослика с поклажей – бесполезнее.

Охотник заметил среди возвращающихся с жальника крестьян вечно молчаливую девушку, которую повстречал вчера в храме. Её зеленые глаза уже какое-то время следили за ним. Они смотрели с вытянутого веснушчатого лица, обрамленного огненным водопадом рыжих волос, частично завязанных в хвост на затылке. Серый взгляд охотника чаще встречал её строгий как утес профиль, но сейчас девушка обратила на него открытый малахитовый взор. В нем скрывалось нечто потаенное, словно морская глубина. «Тревога, безмятежности или печаль таятся в этой пучине?» – гадал охотник. И ведь не узнать, потому как молчание девушки, как он знал, тянулось не первый год.

На несколько секунд он задумался, отчего заслужил её пристальное внимание. Чужак был невысок, худощав и узок в плечах. Двух нижних зубов не хватало, но и с ними кривая улыбка не стала бы привлекательнее. Обветренное лицо ещё не знало глубоких морщин. Каждый видел в нем мужчину средних лет, коим он и являлся. И, несмотря на то, что седые годы маячили на горизонте, охотник все ещё находился от них на почтительном расстоянии. При таком наборе красавцем он себя не считал, другие – тоже. Возможно, девушке просто нечасто доводилось видеть новые лица.

– Чужак зачастил посматривать на твоюшнюю Риту, Калеб, – кликнула Элина, перехватившая взгляд охотника.

Староста Новой Зари остановился, поиграл желваками, оправил ворот из волчьего меха и украдкой коснулся медвежьих когтей на ожерелье.

– Иди домой, любимая, – лишенным всякого почтения голосом сказал Калеб замершей Рите.

Рыжеволосая девушка покорилась. Проходя мимо, она старательно прятала от старосты веснушчатое лицо. Охотник смекнул, что «возлюбленный» подобру не получал от неё не только взгляда. Характером Калеб был таким же неприятным, как его изрытое оспинами лицо. Старосту Новой Зари больше заботило внимание Риты к чужаку, нежели толки Элины о соглядатайстве бродяги в пользу Медового Городка и о занятиях чернокнижничеством.

– На все насмотрелся? – спросил предводитель общины.

– Предпочел бы не видеть вашей скорби, но сапожник медлит.

Охотник взглянул на свои ноги, будто проверяя не сменились ли истоптанные солдатские сапоги новыми. Они хорошо послужили ему в скитаниях по Диким Землям. Подошва выдержала острые камни Серых гор, трясины Великих Топей и сотни километров дорог Старого Мира, в конец развалившись в окрестных лесах и на очередном ноже в пороге от Элины.

– Я приказал Валену пошустрить, – ответил Калеб. – Вечером получишь обувь… не в изъян годности за щедрую плату.

– Благодарю за заботу о моей скромной персоне, – чужак мог поспорить, что староста не понял и половины слов, выученных им самим до того, как стать странствующим охотником. – Ты же не погонишь меня в лес на закате?

Чужак обращался к старосте Новой Зари на «ты» не от недостатка уважения. Услышав обращение на «вы», человек принимался суетливо искать третьих собеседников. Охотника радовало хотя бы то, что он понимал их говор: в Диких Землях хватало племен, которые забыв людскую речь, общались жестами и звуками.

– Молвит колдовские слова, – предостерегла Калеба Элина, крутя кучеряшку на пальце. – Ещё одну бессонную ночь в слежке за ним не сдюжу. Лучше погнать его…

– Тебя никто об этом и не просил, – перебил староста. – Кто ж мы такие, шоб выдворять человека, пускай и чужака, в ночь, где скитаются кошмары? Бывай, бродяга, надеюсь утром тебя не застать.

Охотник мысленно поблагодарил Калеба, хотя заранее купил его щедрость медвежьими когтями. Он разделял с остатками человечества первобытный страх перед темнотой. За минувшие века после гибели Старого Мира, смена суток уподобилась жизненному циклу: каждый закат мог оказаться последним, а рассвет ожидался с волнующей надеждой. И если одни путали в темноте сов и качающиеся на ветру ветви с химерами и кикиморами, то Новая Заря без обиняков страдала от истинных порождений ночи. Тут их нарекли кошмарами. Неведомые существа в последнее десятилетие время от времени являлись из гущи лесов. Но, как и любой ночной кошмар, они отступали перед светом.

В тихие ночи даже на кладбище зажигали сальные свечи. Свет опоясывал палисад деревни непреодолимым для нечисти барьером. Фонари на жердях чадили от заката до рассвета под присмотром сторожей. Над каждой дверью в жилище мерцал спасительный огонек. В храме с закопченными стенами Калеб ежедневно топил жир и древесную смолу для свечей. Соседний Медовый Городок владел истинным богатством – воском. Тамошние крохоборы и требовали за него едва не половину урожая Новой Зари, да ещё и каждую неделю по три десятка яиц. Несколько лет назад это привело к войне между поселениями, которая получила название Войны за ульи. Новая Заря проиграла: двое человек погибли, несколько получили ранения, а супруг Элины пропал на обратном пути. Видимо, оттого она и стала склочной.

Медовый Городок тоже окропил землю кровью своих жителей. Большие потери по здешним меркам принудили поселения к миру,

хотя взаимная неприязнь осталась. Элина талдычила, что Медовый Городок заслал чернокнижника-бродягу воровать драгоценные свечи. Филипп с Труном сказали, что этими речами она не давала покоя даже помиравшему деду. В Медовом Городке соседей кликали дикой сектой и сочиняли небылицы о пристрастии пихать эти самые свечи куда ни попадя.

Крестьяне разбредались по Новой Заре. Одни принимались колоть дрова, другие усаживались на лавки вычищать фонари от нагара, третьи сгибались над огородами. В отличие от основательно стоявшего Медового Городка, Новая Заря сочилась смолистым запахом не потемневшей от времени древесины, была свободна от переполненных компостных ям, да и за рвом с палисадом здесь следили порядочнее, чем за поросшим крапивой оврагом в Медовом Городке. Народ в Новой Заре жил в полуземлянках, которые лет десять как называли «временными». Постройку срубов, как у соседей, откладывали насущные дела. Охотник с ходу приговорил «временные» полуземлянки быть вечным жильем по крайней мере нынешнему поколению. Большую часть объятой палисадом территории отвели под курятники, коровники, поленницы и убогие огороды. Хозяйство расползалось, оставляя все меньше жилого места. Когда жители начнут дергать урожай прямо с потолка полуземлянок, Новую Зарю будет в пору переименовать в Кротовый Городок.

С жальника возвращались Филипп и Трун, закинув лопаты на плечи. Первый приветливо улыбнулся бродяге, выпирающими как у кролика передними зубами. Второй смерил мужчину ничего не выражающим взглядом. Лысые братья позабыли, как выгоняли путешественника спать к псу за то, что тот поинтересовался немотой Риты.

– Помянуть бы старичка, – прохрипел Филипп.

– Воздержусь. Я ухожу завтра на рассвете.

На самом деле охотник не отказался бы заглушить самогоном зубную боль, но в Дикие Земли надлежало идти с трезвой головой. Он всё ещё теплил надежду на случайную встречу с легендарным белым оленем, что окупило бы потери и издержки путешествия в Лес-Чудес.

– Куда направишься?

– Вернусь на север. Ветра холодают. Пора искать зимовье.

– Не ходи далеко, – изрек Трун. – Спросись в Медовом Городке.

Два брата были добряками каких поискать в Диких Землях. Знали бы жители свободных общин и Яковитских княжеств кого нарекали псоглавцами, сами бы перестали зваться людьми. Филипп с Труном не гневались на Медовый Городок, несмотря на то, что возле пасек погиб их брат.

***

Вечерний холод норовил прошмыгнуть под кожаный кейп охотника, как настырная любовница. Бродяга вышел из полуземлянки сапожника Валена Пятки и втянул влажный воздух вместе с вездесущим запахом копоти. Ремесленник зажег смоляную свечу за порогом и от неё странник закурил трубку. Дым обжог язык и горло, защипал глаза. Табак, прихваченный с фермы чудака, спавшего с собственной бабкой, иссякал. Охотник опустил глаза на новые ботинки. Не чета старым солдатским, но в Диких Землях таких же никто бы не сшил. За хорошую работу он отдал сапожнику увеличительное стекло. На севере затребовали бы больше, потому что там реликвий Старого Мира водилось в достатке.

Жители Новой Зари стекались к глинобитному храму Света. На пороге задания с вечерними наставлениями выступал Калеб, чью искаженную оспой физиономию засвечивало с полсотни свечей, производя мистическое впечатление на соплеменников. Они с жадностью внимали его речам об ужасах ночи и единении перед светом. После многословного вступления староста назначал ночных сторожей, раздавал поручения на следующий день, отправляя народ собирать хворост, проверять силки и добывать смолу для свечей. Наседающие ночные кошмары сплотили общину. «Они же сломали Риту, когда она была ребенком», – думалось охотнику – «Утащили должно быть её родителей во тьму у неё на глазах. Такое не забывается».

Он почувствовал на себе цепкий взгляд и не прогадал, предположив, что на сей раз это была не куда-то затерявшаяся Элина, а Рита. Её огненные как алый лес волосы узнавались даже за мутью слюдяных окошек. Минутой позже она показалась на крыльце срубного дома – единственного в Новой Заре, и владел им Калеб. В нем он прятал девушку от серых глаз охотника. Бродяга сделал шаг, она – тоже. Он посмотрел на храм Света, у которого гудели крестьяне,

не видевшие ничего, кроме озаренного светом Калеба, а тот терялся за стеной спин.

Чужак в несколько шагов пересек узкую улочку и шагнул на ступени крыльца. Рита неподвижно ждала. Малахитовый взор таил бездонное молчание. Мужчине показалось, что её веснушчатого лица никогда не посещают эмоции. У таких, как она, гораздо позже образуются морщины, которые чертят на лице карту нашей души. Её душу отнял кошмар лесного края.

– Ты хочешь что-то сказать мне? – спросил охотник.

Он ощутил вкус глупости своей затеи. О чем говорить с немой? Рассыпались наивные надежды на то, что он единственный, кому Рита раскроется. «Она полоумная, – подумалось ему. – Таращится поди на каждого чужака, а в голове варится суп из бессвязных мыслей, как у этих, что живут в лесу, молятся колесу. А может, нет…». Он всматривался в зелень её глаз, в чьих глубинах рождался образ лесного пейзажа, а озарявший их розовый закат придавал воображаемой картинке схожесть с алеющим по осени Лесом-Чудес. Она так ничего и не сказала, даже губами не пошевельнула. Охотник догадывался, что её зеленые глаза способны сказать больше, чем слова, но никак не мог понять их языка. Чужак не заметил, как пустился в грезы. Подобно занесенным в яму листьям, голову засыпали смелые мечты о том, как они сбегут от ночных кошмаров, будут молчаливо скитаться по Диким Землям в поисках укромного уголка. Ему под силу прокормить их обоих даже без потерянного вместе с осликом инвентаря. Да и с ней в обнимку засыпать в студёные ночи будет гораздо приятнее.

«Что, если она читает мысли, как вещуны Китежа, о которых шепчутся в княжествах?» – задумался он. Истомная зубная боль развеяла грезы.

Охотник извлек из котомки заржавевший кружок. Щелчок открывшейся крышки заставил девушку вздрогнуть, чему мужчина улыбнулся, не являя кривых зубов. Под потрескавшимся стеклом ещё различались две замершие стрелки. Они тянулись к загадочно перекрещенным палочкам, начертанных по окружности мутного диска. Но больший интерес вызывало маленькое изображение на внутренней стороне крыши. Время вытянуло из него краски, но пощадило ясность. Начертанная не рукой, а словно застыв в отражении зеркала, на картинке виднелась девочка с бантом в волосах. Рита пытливо

взглянула на путешественника – первое оживление, которое он в ней увидел. Мужчина покачал головой.

– Я её не знаю, да и её давно уже нет в живых. Это… карманные часы из Старого Мира. Тогда люди умели сохранять образы какими их видят наши глаза, и точно следить за временем.

Рита аккуратно потянулась к часам. Мужчина дождался, когда её тонкие пальцы прикоснутся к нему и только тогда передал вещицу.

– Оставь себе.

Он не жалел, что за так расстался с драгоценной реликвией. Тоска одолевала только от того, что он не мог сохранить ощущения теплого прикосновения Риты и получить взамен её изображения.

– Калеб! – разбил тишину крик Элины, таившейся неподалеку. – Калеб, гляди!

Охотник ухватился за рукоять под подолом кейпа, но также быстро убрал с неё руку. Оставалось только наблюдать, как к нему сбегается толпа во главе со старостой. Обезображенное лицо Калеба от злости подурнело пуще прежнего. Рита дрожащими руками запрятала часы в складках балахона. Глаза на её побледневшем лице напоминали оброненные в снег изумруды.

– Открыть ворота! – скомандовал Калеб. – Чужак уходит. Сейчас же!

Филипп и Трун отделились от толпы. Они не смотрели на бродягу, и он их за это не винил. Но в приближающуюся ночь заходить не хотел. Уж лучше спать подле псины или под огородным пугалом, но в окружении рва и светящегося палисада, нежели остаться одному в темноте.

– Я ничего не сделал, – сказал охотник, не в силах сдвинуться с места.

– Он касался её, Калеб, – громко зашептала Элина. – Дал ей какую-то штуку.

В надвигающейся темноте глаза старосты почернели, а отражавшийся в зрачках огонек свечей походил на танцующего золотистого чертика.

– Это… это всего лишь подарок…

Бродяга понимал, что для ревнивца это не послужит оправданием, но продолжал цепляться за возможность остаться.

– Подарок останется, а тебе я советую не терять времени – скоро придут кошмары, – вкрадчиво сказал Калеб. – Если будешь спорить, то я сделаю чего похуже энтих.

Охотник услышал участившееся дыхание. Оглянувшись, он увидел живую эмоцию на лице Риты. Страх. Речи Калеба ужаснули её больше, чем бродягу. И он бросился к раскрытым воротам. Пронесся между двумя лысыми братьями, застывших у створок, ни разу не оглянувшись. Вечер оборачивался ночью.

***

Это была самая долгая ночь на его памяти. Вначале беглец помыслил остаться на жальнике – единственном островке света за палисадом Новой Зари. Но мерцающие огоньки свечей предупреждали о том, что это место может стать его последним пристанищем. Он пробежал мимо кладбища, перепрыгнул ритуально опаханную границу поля и ворвался в гаснущий пурпур леса.

Бег наперегонки с ночью выглядел безумием, но куда большим безумством было остановиться. На счастье, охотник не угодил в прикрытые прелой листвой ухабы или расставленные местными жителями силки. Взмокшим и задыхающимся он припал к серебрящемуся в темноте ручью. Правый бок после бега рвала острая боль, мчаться дальше не хватало сил, но за ним никто и не гнался. Странствующий охотник вслушивался в голоса леса: скрип ветвей, шуршание листьев, опадающих с характерным щелчком. Даже если ты один во всей чаще, лес вокруг не унимался копошиться, к этому невозможно привыкнуть сколько себя не заставляй. Тем более, когда ты находишься в колыбели здешнего страха.

Охотник обжог лицо холодной водой, прилепив на лоб опавший лист. Осмотрелся. Здесь он замочил дырявые ботинки, когда держал путь из Медового Городка к Новой Заре. Местные не дали ручью названия, потому что на всю округу он был один. Ручей выступал связующим ориентиром между двумя поселениями. Когда влажный воздух освободил дыхание от хрипа, горящие после бега ноги сами повели беглеца прочь. Он неуверенно плелся в непроглядной тьме, ориентировался лишь на тихий плеск Ручья, в который по неосторожности несколько раз угодил ногами. Сапоги из Новой Зари пока что показывали себя хорошо.

Разжечь костер беглец страшился также сильно, как сомкнувшейся вокруг тьмы. Огонь в Диких Землях отпугивал одних существ, но притягивал других. Пока же кошмары не выдавали себя, не возникало нужды призывать тех, о ком в Новой Заре и Медовом Городке могли не знать. «Нет ничего страшнее уханья совы», – обнаружил для себя излившийся холодным потом бродяга, заслышав неподалеку ночную птицу.

Когда в лес запоздало заглянуло утро и оживило красно-желтые оттенки, замершему охотнику казалось, что после пережитого он поседел, а лицо порябело морщинами. Хотя в пору серых дней солнце не греет, при его виде легко можно поддаться обманчивому спокойствию. Бродяга знал, что расслабляться было рано. Звери в Диких Землях не переставали рыскать и днем. Медведь не упустит возможности набрать жирка на зиму, а волки давно уж переварили ослика. Осень почти вымыла из леса подножный корм для них. Странствующий охотник всматривался в противоположную сторону раздавшегося вширь Ручья, по темным водам которого медленно проплывали опавшие желто-красные листья.

Там, на фоне серых облаков, из земли, практически сливаясь с алой листвой, вздымался ржавый исполин, раскинувший в стороны обомшелые балки. Он все ещё твердо стоял на покосившихся опорах, но всем видом выказывал желание рухнуть и быть погребенным под толщей земли и спутанных корней. На равноудаленном расстоянии возвышались его братья-близнецы. Руины Старого Мира – остатки канувшей в Лету великой человеческой цивилизации. Такие столбы встречались повсеместно в разной степени сохранности и конфигураций: двурукие, многорукие или вовсе безрукие. Порой они становились частью поселений, как и другие сохранившиеся сооружения далекого прошлого.

О тех седых временах, известных по легендам, напоминали громадные руины из камня и стали, тянущиеся в небо искореженными верхушками; остовы загадочных механизмов, едва выглядывающих из-под земли; циклопические мосты и вгрызающиеся в темноту подземелий туннели. А каменные дороги, теряющиеся в песках, траве и кустах, паутиной окутывали Дикие Земли. Они до сих пор связывают между собой многие поселения и по ним частенько бродят караваны.

Жители лесного края именовали ржавых исполинов Столбами Древних. За ними будто бы заканчивался человеческий мир и в ту строну они страшились даже смотреть. Вздор, ведь охотник прибыл как раз оттуда. Там также, как и здесь, существовали свободные общины. Да бродяга и не признавал мнимых границ человечества, будь то засечные черты у Великих Топей, светящиеся холмы, Земли Вечной Зимы или тот же Лес-Чудес, в котором вместо вымышленных псоглавцев обитали люди... и ночные кошмары. Нет иных границ человечества, кроме рвов, проволок и стен поселений да ферм. Сразу за ними начинаются таинственные Дикие Земли, где человек не стоит даже на середине пищевой цепочки и не ощущает себя в безопасности.

Охотник присел на ствол упавшего дерева пожевать бобов и завалявшихся в мешке медовых конфет. Перекус пробудил зубную боль. Рука пошарила по поясу, но не нашла курительной трубки. Он горько поморщился очередной утрате. Поход в южные леса за белым оленем оборачивался сплошными лишениями.

***

Гул пчелиных пасек известил о приближении к Медовому Городку, когда нестройный частокол и заросший ров ещё не показались на виду. В обращенных на охотника взглядах жителей не выражалось приветствие, но он его и не искал. Мужчина старался наделить свой облик стальной суровостью и шел неспешно, чтобы никто из пасечников не заметил подкашивающей его слабости. Резкий крик петуха заставил бродягу нелепо вздрогнуть и про себя пожелать птице скорейшего визита на обеденный стол.

Охотнику доводилось посещать нагромождения убогих хижин, полуземлянок и лагерей из хлама, иногда устроенных в руинах. Многое из этого гордо называлось городами, а скопления – странами. Не выпадал из этого перечня и Медовый Городок со скопищем срубных домов под грунтовыми крышами, больших и малых сараев, столбиков сортиров, торчащих возле свинарников, и лабиринта плетней, деливших огороды. Два крестьянина в сторонке как раз спорили о том, кто из них сдвинул забор и присвоил себе тыкву. Лишь внимательный путник замечал в центре Медового Городка потемневшую от времени деревянную доску с криво вырезанным на ней человечком, который тянул руки-палки не то к звездам, не то к снежинкам и был окружен прямоугольниками. Лишь поясняющий

рассказ местного жителя обращал неумелую резьбу в изображение легендарного основателя поселения – Пузослава «Приручителя Пчел». И только тогда становилось понятно, что его окружают ульи пасеки и летающие пчелы.

Под Пузославом сидела на колодке худая женщина, былая красота которой последними годами цеплялась за избороздившимися морщинами лицо и поседевшие, но все ещё густые волосы. Никодима – глава Медового Городка и правнучка «Приручителя Пчел» – жевала воск пока в нем не заканчивались медовые соки, а затем бралась за новый кусочек. Жидкое золото повсеместно употреблялось в пищу в самых разных вариациях, а местная медовуха была гораздо приятнее самогона Филиппа и Труна.

– Ну как там у этих? – причмокивая спросила женщина. – Хватает свечек?

– К сожалению, – буркнул охотник, скривив гадкую мину.

– Хе, мы неспроста их нелюбим, – улыбнулась Никодима, и бродяга позавидовал её целой улыбке. – Ну теперича и ты эт знаешь.

На долгие беседы у путника не хватало сил. Оказавшись в безопасности, его захлестнула неодолимая усталость, скопившаяся за ночью и утро. Прибавлялись боль натертых новой обувью ног, и набивший оскомину зуб. Охотник всерьез задумывался привязаться им к лошади и дать ей хорошего шлепка.

За сон на лавке в теплой избе с него ничего не требовали. Бродяга отоспится и уйдет, а что ещё нужно местному люду от него? Пролезавший под притолокой охотник застал в комнате косоглазого мужа Никодимы за вязанием лаптей. В прошлый раз мужчины не общались и именами не обменивались, но стоило страннику перешагнуть высокий порог новыми сапогами, как косой заговорил:

– Вален Пятка шил или егошний сын?

Охотник замер, не сразу уловив суть вопроса. Даже разнонаправленный взгляд мужика он перехватить не мог, но супруг Никодимы сам же внес ясность и указал на сапоги пальцем.

– Вален, – подтвердил бродяга.

– Добротно послужат, – сказал косоглазый, возвращаясь к лаптям.

– Ты его знаешь?

– Да, приходился мне соседом.

Бродяга забыл о сне. Всплыло в памяти мимолетное упоминание о пропавшем без вести во время Войны за ульи муже Элины. В Медовом Городке косоглазому с женой повезло гораздо больше. Усевшись на лавку, охотник вынул стертые ноги из сапог и молча наблюдал за тем, как неразговорчивый мужичок ловко превращал лыко[1] в лапти. Доделав пару, он бросал её в кучу к остальным и брался за новую – лаптей много не бывало, они быстро стирались, а во время земельных работ вязать новые некогда. В избе витал медовый аромат. В Медовом Городке он был таким же вездесущим, как гарь и копоть в Новой Заре.

Сон не возвращался, хотя на пути от Столбов Древних он так и норовил свалить охотника в кучу алой листвы.

– Что произошло с Ритой? – прервал молчание бродяга.

Косоглазый работы не оставил и отвечать не спешил. Он доплел лапоть под хмурым взглядом гостя. И только бросив очередную пару к остальным, поглядел на печь одним глазом, а на чужака – другим.

– Тебе коротко, шоб задремать поскорее, аль подлиньше, шоб отвлечься ото сна?

– Давай что-то среднее. Если захраплю, то сам дашь вердикт своему повествованию.

– Вердииикт?

В глазах других читалось бы недопонимание, но у косоглазого все обстояло не как у людей. Он был заинтересован, как дитя.

– Объясню после твоего рассказа. Начинай.

– Десять зим тому пришли кошмары, – затянул как сказку мужик, возвращаясь к лаптям. – Они приползли аккурат на следующую ночь за тем днем, когда Калеб и Ян хаживали на Черную Гору. Энтая в пяти километрах на север от Зари. Там руины и дыры в скале, которые ещё древние пробили. Наши туда хаживали за всяким барахлом.

– Дай догадаюсь, они кого-то выпустили оттуда?

– Кошмар, – кивнул косоглазый. – Веками спавший в глубинах. Калеб с Яном полезли дальше положенного.

– Экие гномы, – усмехнулся бродяга. – И что?

– А то, шо коль открыл дверь в хату нечисти, то не запамятуй закрыть. Лучше изнутри.

– Рита тут причем?

– Рите было восемь годков, а Ян ей отцом приходился. Калеб свалил вину на него. Сказал мол тот сам полез и приволок проклятую

хрень в Зарю. Кошмары той ночью норовили пробраться к нам через ров и колья. Помню ругань началаааась… устроили эти двое мордобой в доме Яна, да видать перевернули лампу и полыхнуло. Калеб запер Яна и егошнюю жену, Тару. Только Риту забрал. Сказал потом, шо старался и родителей её спасти, да брешет он, я знаю, брешет. Пламя дальше пошло, по всей Заре, зато кошмаров отпугнуло, шо комаров. Так мы Новую Зорю и возвели.

– Как же получилось, что там каждая собака трепещет перед Калебом?

– Так он себя спасителем нарек! На кошмаров с горящей головешкой бросался, да токмо те уже пятками в ночи сверкали. Потому и храм основали. Говоря честно, я тоже ведь тогда закрыл глаза на историю с Яном и Тарой… не до них было. Мы все малодушничали, как кролики, а он…

– Как волк, – ехидно завершил охотник, вспоминая волчью шубу предводителя Новой Зари.

– Дааа… – протянул рассказчик косые глаза которого застыли на крынке с медом и куче лаптей – все это находилось по разным углвс помещения. – Волчьи аппетиты толкнули к Войне за ульи. Сущий кошмар… Сам поди уже знаешь все.

– А когда Рита подросла, Калеб зажил с ней, – задумчиво произнес охотник.

– Он не ждал – взял её сразу.

Сердце бродяги ухнуло. Он обвел рассказчика заледеневшим взглядом, да тот и косым глазом не повел. Гадкий привкус собирался во рту охотника и от него никак не получалось избавиться. Странник видел в Диких Землях многое, ещё о большем слышал. Бывал на свадьбе тридцатилетнего удельного князя с двенадцатилетней девчушкой. Слыхивал о гареме племенного вождя, в который собрали девушек, зрелых женщин и кастрированных мальчиков. Едва сам не угодил к диким воительницам, державших мужчин в плену всего одну ночь. И зачастую оставался равнодушным к варварству Диких Земель. Но история Риты могильным колоколом прозвучала в сердце.

– Найдутся обмотки на ноги? – поинтересовался охотник.

– Есть много лаптей. Куда-то собрался?

– Курительную трубку обронил в Новой Заре.

Косоглазый поджал губу и понимающе кивнул.

– Поведай сначала о вердикте, а потом иди куда хочешь.

***

В густеющих сумерках четыре силуэта перебегали от фонаря к фонарю. Охотник следил за ними в окуляр бинокля из-за надгробия старика. Знакомый ему по прошлой ночи пес осыпал жальник тревожным лаем. В силуэте поводыря узнавался Филипп. К счастью страх жителей Новой Зари перед тьмой пересиливал любопытство. Четверка торопливо разожгла ближние фонари и устремилась дальше. Мужчина наблюдал, как следом за удаляющимися силуэтами просыпалась вереница огней. Когда обход завел их за насыпь рва, он покинул укрытие, поблагодарив почившего старика за оказанную его надгробием услугу.

Прячась за деревянным нужником, охотник различил дребезжание фонарей в руках ночных сторожей, когда те заметили в стене света черную брешь. Их дрожащие, как пламя свечей фигуры посеменили за ворота ко рву, куда чужак свалил светильники, предварительно забросив свечи подальше во тьму. Бесшумной тенью он подкрался к оставшемуся у створок сторожу и приложил его древком топора. Связывая руки и затыкая ему рот, охотник узнал Труна, но укола совести не последовало. Из-за пояса лысого сторожа к законному владельцу вернулась курительная трубка. Затем он запер ворота Новой Зари, оставив ничего неподозревающую троицу за палисадом.

Кривые улочки тускло освещались фонарями на жердях и горящими у входов в полуземлянки свечами. Темная фигура охотника, окруженная собственными трепыхающимися тенями, шествовала к светившемуся храму. С каждым шагом нос сильнее закладывало густым запахом воска и жира. Когда большой пожар отвлечет внимание жителей, незваный гость собирался наведаться в срубный дом. Из расщелин дверных досок на мужчину падали косые лучи света. Слишком поздно он заметил, как их преградила тень по ту сторону. Из распахнувшейся двери сверкнула сталь, прошедшаяся жгучей болью по лицу. Левая щека охотника разбухала валиком от скулы до подбородка, а по шее к груди побежали теплые струйки крови. Калеб замахнулся и боль резанула по выставленной вперед левой руке. От ответного удара топором староста ловко увернулся и сделал выпад ножом. Опомнившийся чужак перехватил его руку и выбил оружие. Соперник оказался не из робкого десятка и на

окровавленное лицо охотника обрушился кулак. Мир исчез в жуткой вспышке, кровь толчками забила из лунки, где ещё недавно ныл зуб. Болеть меньше не стало.

Противостояние разворачивалось в давящей тишине, которую сопровождал треск многочисленных свечей. Тени нетопырями плясали в дрожащем свете. Охотник мог выхватить револьвер, всадить драгоценную пулю в рябую физиономию старосты и в одночасье покончить с этим. Но тогда бы сбежались все жители Новой Зари и эта глухомань стала бы бродяге могилой. Вместо этого он бросился на Калеба с размашистым ударом топора и сразу пожалел об этом, ощутив сдавившие его руку пальцы. Одним рывком староста лишил чужака равновесия и бросил на землю. Краем глаза охотник заметил, как противник метнулся к ножу, поэтому поспешил нелепо заерзать по земле к выпавшему топору. Чужая тонкая рука первой коснулась рукояти.

– Рита, – раздался сухой голос предводителя Новой Зари. – Девочка моя, забери топор и скорее беги за сторожами! Стучи во все двери.

– Стой, –брызнул кровью охотник. – Он ведь заживо сжег твоих родителей. Позволь мне отомстить и я…

Он не успел договорить. Лезвие кинжала скользнуло по распухшей левой щеке, разрезая ухо и уходя в сырую землю. Сдавленный крик прорезал тишину. Рыча и захлебываясь, чужак впился ногтями в уродливое лицо Калеба и рванул ими в разные стороны, а следом саданул коленом в пах. Староста взвыл словно повернувшаяся на ржавых петлях дверь и скрючился на земле. Охотник кинулся к Рите, обхватил скользкими от крови руками её тонкое запястье и рукоять топора. В этот миг дикие серые глаза встретились с безмятежным зеленым взглядом. Она не противилась, когда охотник выхватил из рук оружие. Молча отступила назад.

Староста с разодранным лицом держался за пах. Взмах его ножа встретил хладнокровный удар топора, лезвие которого впилось в плоть, почти лишив Калеба правой кисти. Ночь потряс дикий вой. Чужак ухватился за волчий ворот и с хрустом обрушил новый удар на грудь противника. Медвежье когти с лопнувшего ожерелья посыпались под ноги. Правитель Новой Зари непонимающе таращился на брызгающую кровь из развороченной грудины. Рот жадно хватал

воздух на что черная рана отзывалась посвистыванием. Охотник градом ударов теснил старосту к храму, пока оба не ввалились в тесное помещение. К тому моменту свеча жизни Калеба уже погасла – его глаза безжизненно почернели. Труп рухнул на закопченный алтарь, опрокинув множество свечей и сосудов со смолой. Пламя разбежалось по храму, первым делом поглотив бездыханного мертвеца. Охотник с сожалением глянул на кусаемую огнем волчью шубу, которую желал заиметь бы в трофеи. Он прихватил с собой подсвечник и кувшин смолы перед тем, как выскочил с опаленными волосами из храма.

Улицу заполняли жители Новой Зари и застывали при виде окровавленного чужака, позади которого горел их символ спасения, заодно хороня ложного героя. Стараясь отдышаться, дрожащий охотник отвечал им уничтожающим взглядом. Он давно не проникался таким презрением к людям, как сейчас. После затянувшегося бездействия, он метнул в слюдяное оконце сначала кувшин смолы, а следом послал горящий подсвечник. В доме Калеба забегало пламя.

– Проклятый чужак! – посыпались крики. – Вестник беды! Разрушитель! Сжечь его!

Кинувшуюся на него с вилами Элину охотник скосил выстрелом, быстро выхваченного из-за отворота кейпа револьвера. Толпа замерла.

– Меня зовут Артур, – прохрипел чужак и плюнул кровью. – Запомните мое имя, если переживете эту ночь.

Обитатели Новой Зари рассыпались в стороны, как листья на ветру. Артур, ощупывая языком кровоточащую зубную лунку, следил за разлетавшимися над округой искрами. Раскаленными пчелками они приземлялись на сараях и вскармливали новые очаги пожаров. Волна воплей крестьян становилась громче. Безучастно стоя посреди улицы, странствующий охотник почувствовал на себе взгляд. Позади, в нерушимой безмятежности, стояла Рита. Её глаза сияли изумрудами в зареве пожара.

– Пойдем со мной, – прохрипел Артур, хмурясь от пронзившей лицо боли, не позволявшей полностью раскрывать рта. – Ты теперь свободна.

Десять лет Калеб держал её при себе. С той самой ночи, когда сжег её родителей. Артуру дурнело при мысли о том, с какого возраста староста взялся подкладывать её к себе в постель. И все это при молчаливом попустительстве местных жителей. Её соседей, соседей её

погибших родителей. В руках девушки блеснули карманные часы. Она перевела взгляд на полыхающий храм. Дикие языки пламени загипнотизировали её, гоняли по веснушчатому лицу алые блики. Охотнику показалось, будто бы девушка с опаской дожидалась появления Калеба. Крыша храма обрушилась, сверху на неё повалились прохудившиеся стены, взрываясь снопом искр. Рита резко зашагала к воротам, увлекая за собой Артура. Тонкими пальцами она обвила его липкую от крови руку. Обитатели Новой Зари рыдали и заламывали руки, метались с ведрами, опрокидывая фонари и свечи, спасали из полуземлянок и загонов имущество и скотину. Красный петух перескакивал с одной постройки на другую, пробегался по огородам – полыхала половина поселения.

Часовые снесли ворота. Филипп, не замечая задетого им Артура, и дёргавшегося у горящей изгороди связанного Труна, ворвался на задымленную улицу вместе с лающим псом. Девушка с охотником схватили по фонарю и бросились к черному лесу, спасаясь от удушающей гари. Перед опушкой они замерли, заметив движение между деревьями, прислушались к частому шуршанию листвы. Желудок Артура свело, а следом сжались все внутренности и к горлу подкатился вероломный комок. С минуту он с Ритой всматривался в мельком вырываемые из темноты силуэты кошмаров. Те не решались показаться на свет, но парочка сама сделала шаг к ним навстречу.

Тьма скрюченными пальцами потянулась к ним. Охотник вытягивал свечной фонарь как можно дальше. Согбенные тени, возмущенно клекоча, пятились, но держались поблизости. Артуру и Рите отступать же было некуда – путь вел под своды алого леса, через зловонное гниение его обитателей. В едком свете фонаря мелькала осклизлая плоть, поблескивали язвы, ставшие урочищами личинок. Парочку окружил рой докучливых мух, которых горбатые тени таскали за собой. Летучие гады в стремлении перебраться с больной плоти на здоровую, лезли в уши и ноздри, щекотали кровоточащую рану на щеке и разрезанное ухо охотника. Он терпел, старательно выбирая место для шага. Если он споткнется о корень или ухаб, упадет и свет погаснет – ночные кошмары заберут его душу.

Позади пылал пожар, впереди – расстелилась лесная тьма. Оба направления казались скверными, любой бы предпочел избежать выбора между ними, но у путников выбора не оставалось. Из зарева за

спиной вырвался вопль. «Это сделал я», – думал охотник с ощущением странного смешения ужаса и гордости. Он крепче сжал скользкими от крови пальцами, державшуюся за него тонкую руку. Фонарь торопливо разгонял морок. Кошмары тянулись к беглецам, но вынуждено отворачивались и уходили, когда жжение в глазах становилось невыносимым. Каждый шаг приближал Артура и Риту к спасению. Не в силах схватить парочку, кошмары отворачивались к гибнущей Новой Заре. Вскоре единственным препятствием к пепелищу для них станет лишь ритуальное опахивание, в надежности которого охотник сомневался. Артур с Ритой не остановились и тогда, когда багровое зарево затерялось между деревьями, а вопли и треск огня поглотила неподвижная тишина.

***

Рассвет вернул лесу пурпурные краски. Раны охотника стянулись запекшейся коркой. Путники не размыкали рук с той минуты, как вошли в лес. На привал решились у Ручья перед Столбами Древних. Пытаясь сохранить лицо, Артур медленно опустился на устланную листвой землю, вместо того, чтобы рухнуть мешком. Стертые ноги горели пуще прежнего. Присевшая рядом Рита помогла омыть раны. Охотник наслаждался её прикосновениями, стараясь не вздрагивать, когда те причиняли боль глубоким порезам. Её зачаровывающий взгляд не отрывался от его отекшего лица.

Артуру вспомнились верования жителей Яковитских княжествах о ведьмовском начале всех рыжих женщин. И он задумался, не чары ли вынудили его привязаться к молчаливой девушке? Не будучи уверенным в том, что сможет оправиться от ран, охотник позволил себе запустить пальцы в рыжие волосы. Рита вздрогнула. Изумрудные глаза распахнулись, а губ коснулась неожиданная улыбка. Артур постарался аккуратно подтянуть её лицо к себе, но ощутил, как девушка сама тянется к нему. Он понадеялся, что она проронит хоть слово, но вместо этого почувствовал молчаливое прикосновение её губ к своим. Артур блаженно прикрыл глаза и не обратил внимания на прошелестевшего неподалеку белого оленя.

[1]Материал для изготовления лаптей